

В.С. Кучко
Екатеринбург

**Фразеология со значением измены в любви
в русских говорах***

Ключевые слова: картина мира, прямые и не прямые номинации, диалектная и общенародная русская фразеология.

Ситуация любовной измены в русских говорах изображается чаще всего с помощью фразеологических оборотов, чему способствует языковой статус фразеологизма: компоненты устойчивых сочетаний, отражая разные стороны ситуации, вместе создают целую картину; кроме того, фразеологизмы нередко носят экспрессивно-оценочный характер, а само явление в сознании традиционного общества воспринимается с большой степенью экспрессии, поскольку измена считается существенным отклонением от норм морали.

В данной статье русская диалектная и общенародная фразеология со значением любовной измены будет рассматриваться с точки зрения мотивации. Порядок подачи материала будет отражать особенности фразеологизмов как номинативных единиц.

В основе немногочисленных **прямых номинаций** — лексемы *измена*, *изменить*, *(не)верность* и т.п.: пск. *дать измену* [СРНГ 7: 257], н.-печор. *измену делать* [СГНП 1: 289], нижегор. *приневéрить жену* ‘заподозрить жену в неверности’ [СРНГ 31: 311] и др.; ср. с противоположным смыслом: р. Урал *содáрживать себя в верности* ‘соблюдать супружескую верность’ [СРНГ 39: 214].

Выделяются фразеологизмы, номинирующие измену через **перенос родового обозначения на видовое**. В них разрабатывается мотив нарушения закона: пенз., олон. *закон переступать* ‘нарушать супружескую верность’ [СРНГ 10: 149], омск. *сверху закону жить* ‘изменять супружеской верности’ [ФСРГС:

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

72]. Такие выражения отражают особенности понимания «закон» носителями русских говоров: у слова *закон*, помимо значения ‘справедливость’, есть значения ‘супружество, брачный союз’, ‘муж, жена (первая жена)’, ‘супружеская верность’ [СРНГ: 149]. Это говорит о значимости правовой стороны брака в сознании членов традиционного общества и о понимании измены как серьезного преступления.

Наиболее разработанную и многочисленную группу составляют **непрямые** фразеологические **номинации** любовной измены, среди которых выделяются непредметные метафорические номинации и номинации с предметной символикой.

Перед их рассмотрением необходимо оговорить актантную структуру ситуации измены. В ситуации измены три участника: активный субъект (тот, кто изменяет); пассивный субъект (тот, кому изменяют); скрытый субъект (тот, с кем изменяют; во фразеологизме на него, как правило, нет указаний).

Непредметные метафорические номинации воплощают следующие мотивы: мотив чужого пространства и непрямого перемещения, мотив сжигания, мотив нечистоты.

Мотив чужого пространства и непрямого перемещения. Интерпретируя измену с помощью пространственных образов, носители языка воспринимают ее как уход со «своей» территории и попадание на «чужую». «Своей» территорией при этом выступает пространство, которое активный субъект измены освоил ранее вместе с пассивным, супругом или супругой. Чужая территория, куда вступает активный субъект, внеположена пассивному субъекту и в большинстве случаев определяется через лексему *сторона*, ср. общенар. *ходить на сторону*, сиб. *ходить за стороной* [СРНГ 41: 247], коми *ходить стороной* [БСРП: 645], перм. *за стороной идти, на сторону пойти, стороной жить* [ФСПГ: 149, 279, 122–123], бурят., карел. *иметь сторонку* [СРНГ 41: 248], том., кемер., новосиб., карел. *держат сторону* [ФСРГС: 59]: «Побочник – ушел к другой, сторону держит, и женщин много побочниц, сторону держат, имеют множество мужчин» [ФСРГРК: 71], арх. *гонить сторонку* ‘изменять мужу’ [БСРП: 646], морд. *хлынуть по сторонам* ‘изменить жене’ [БСРП: 645].

Положение в пространстве скрытого субъекта измены определяет и перм. *чужбинкой заниматься*: «Кому поглянется: чужбинкой баба занимается, от своего мужика да под другого готова» [ФСПГ: 130].

Между «своим» и «чужим» пространством проходит граница, пересечение которой является важным свидетельством факта измены, а потому отмечается языком как сопряженное с трудностями и являющееся по сути преодолением препятствия: новг. *скакать (ходить, прыгать) за осек*²: «Сын у ей за осек ходил, изменял женке» [МИСНФ: 240–241], ср. также влг. *за осеки скакать* ‘вести распутную жизнь, развратничать’ [СРНГ 37: 368].

Возможность преодоления активным субъектом границы между пространствами (и его активное желание преодолеть эту границу), подчеркивает метафора моста, выстраиваемого им, ср. новг. *сделать мост кому-л.* ‘изменить, нарушить верность’: «Он тебе мост сделал, вчера Таньку провожал»; «Парень девушке мост сделал, изменил, значит»; «Куды ж ты мужика одного отпустила? Он тебе мост там сделает» [МИСНФ: 240]. Фразеологизм предполагает указание на пассивного субъекта, что можно объяснить наложением на него общей модели *изменить кому-л.* Однако мост делается в сторону скрытого субъекта, из того пространства, которое было общим для активного и пассивного субъектов измены.

Освоение «чужого» пространства активным субъектом измены происходит посредством передвижения по нему, которое осуществляется непрямыми путями, ср. фразеологизмы, отражающие идею неупорядоченного хождения: курск. *колесить* [СРНГ 14: 126], н.-печор. *по подружкам бегать* ‘изменять жене’ [СГНП 2: 179], новг. *забираться в блудню* ‘то же’ [БСРП: 44]. Тот, кто нарушает супружескую верность, получает такие характеристики, как тюмен. *мотунистый* (<*мотаться*) ‘непостоянный, нарушающий супружескую верность (о муже)’: «У ей мужик мотунистый, а уж дети больши» [СРНГ 1: 305], краснояр. *расхожий* ‘неверный (о супруге)’, иркут., краснояр., прибайкал. ‘распутный, развратный’ [СРНГ 34: 302]. Идея отклонения от

¹ Новг., влг., ленингр., калин., твер., калуж. *осек* ‘изгородь, ограда’ [СРНГ 23: 359].

правильного пути содержится в общенар. *ходить налево* ‘изменять в любви’. Вообще, траектория движения — показатель, свидетельствующий о соблюдении/несоблюдении человеком норм морали, ср. общенар. *сбить (совратить) с пути, идти кривой дорожкой, идти обходными путями* ‘прибегать к хитростям для достижения чего-либо’, *без пути* ‘зря, напрасно’; указание на неупорядоченность хождения содержится и в общенар. *распутный, гулящий*. Как замечает Т.В. Володина, мотивы болтания, качания, мотания в славянских языках зачастую лежат в основе характеристик бесцельной, неустойчивой, аморальной жизни [Володина 2007]. Ср. и указание С.М. Толстой на то, что «в славянских языках глаголы “ходить”, “бегать”, “водить”, “гнать”, “гулять” и др. имеют устойчивые сексуальные коннотации и способны приобретать широкий круг значений, покрывающих всю сферу отношения полов – от ухаживания до рождения детей» [Толстая 2008: 329].

Карельский фразеологизм *белку гнать* ‘изменить жене’ [БСРП: 35], с одной стороны, содержит мотив перемещения в пространстве благодаря глаголу *гнать*; с другой стороны, рисует измену как сцену охоты, отсылая тем самым к свадебному сюжету, в котором под образом белки подразумевается невеста, а жених предстает в образе охотника [Гура 1995].

Мотив нечистоты. Нечистота как свидетельство любовной измены выступает во фразеологизме р. Урал *подол нечистый у кого-л.* ‘намёк на супружескую неверность, на развратное поведение кого-л.’ [СРНГ 28: 116]. Связанный с мотивом нечистоты мотив низа, появляющийся в указании на подол, подчеркивает греховность именно женской природы (ср. общенар. *в подоле принести* ‘родить ребенка вне брака’). Признак чистоты/нечистоты используется и для характеристики невесты, сохранившей или утратившей девственность до брака; символика нечистоты породила распространенный обычай мазать дегтем ворота девушке, потерявшей невинность до брака или уличенной во внебрачных связях.

Мотив сжигания. Семантика измены в любви может выражаться с помощью фразеологизмов, в основе которых – идея сжигания чего-л.: новг. *сгорела рига (баня, байна) у кого* ‘об измене в любви’: «Твоя рига сгорела, значит, измена тебе»; «У

Маньки-то байна сгорела, Сашка к другой переметнулся» [МИСНФ: 239], новг. *поджечь чужую масленицу* ‘изменить в любви кому-л.’ [НОС 8: 31]. В этих выражениях смысловая нагрузка падает преимущественно на глагол (хотя объект сжигания тоже значим). Ср. и сочетания, в которых смысловое «ударение» ставится на объект сжигания: новг. *собирать голо-вёшки* ‘пережить измену в любви’, новг. *жечь рыжики* ‘изменить в любви’ (они будут подробнее рассмотрены далее, при анализе фразеологизмов с предметной символикой).

В славянской народной культуре сжигание было способом ритуального осуждения [Агапкина 2009]. Измена в любви давала повод для осуждения не только изменника, но и объекта измены, в этом случае ему и сообщалось о сгоревшей риге, бане и др. Фразеологизмы *жечь (сжигать) масленицу* отражают обычай жечь масленичные костры в последний день масленичной недели. Ср. замечание Т.А. Агапкиной: «Выражения типа “жечь + хроним <...>” – наиболее распространенный вариант, описывающий календарный костер» [Агапкина 2002: 586]. Цикл масленичных обрядов у славян был во многом направлен на повышение плодородия, стимуляцию продуцирующей функции, в частности, на укрепление браков, поэтому тема масленичного сжигания могла связываться с семантикой измены. Обрядовому общественному осуждению в это время подвергались все виды нарушения нормы, которые могли повлечь за собой нестабильное функционирование семьи в социуме или демографический сбой³: так, в разные дни недели на масленице, например, при сжигании масленичного чучела или других ритуальных вещей в масленичных кострах деревенская молодежь выкрикивала обвинительные осуждающие реплики в адрес односельчан, причем объектом критики часто становились супружеские измены и внебрачные связи [Агапкина 2004: 194—199]).

³ Например, широко распространенный среди славян обычай волочения бревна («колодки»), принимающий различные формы (первоначально это привязывание к ноге человека, который подвергался осуждению, небольшого бревна), относился в основном к не вступившей вовремя в брак молодежи, но также и к холостякам, старым девам, девушкам, утратившим девственность до брака или родившим внебрачного ребенка (см. [Агапкина 2002: 203–244]).

Кроме того, выражение *поджечь чужую масленицу* за счет значимого семантического компонента — слова *чужой* — заставляет предполагать здесь идею посягания на чужое.

В основе **фразеологизмов с предметной символикой** лежит следующая ситуация: активный субъект измены разными способами передает, а пассивный — получает пищу, одежду, предметы быта или иные вещи, наделенные, с точки зрения носителей языка, признаками, говорящими об измене. «Шифровка» через предметные символы объясняется тем, что прямое указание на измену в любви язык склонен подвергать эвфемизации. Кроме того, устойчивые сочетания со значением измены сходны по структуре, образности и семантике с формулами, выражающими отказ при сватовстве; у некоторых из них семантика измены развивается из семантики отказа ('отказать жениху' = 'изменить', 'получить отказ в сватовстве' = 'пережить измену'), а акт отказа сопровождается вручением различных предметов, символизирующих решение невесты, стороне жениха. Такой параллелизм иллюстрирует общность восприятия измены в любви и отказа при сватовстве как социальной неудачи, случившейся с человеком, которому изменили или отказали, и закрепляет ее общим символьным кругом.

Символику измены в любви, как и символику отказа при сватовстве, могут выражать:

– наименования обуви (в частности, лаптей): пск. *делать (сделать) лапти кому* [БСРП: 352], том. *лапти плести* [СРНГ 27: 118], новг. *лапти сплести* 'изменить в любви кому-либо' [СРНГ 40: 161], *сделать (подвесить, подарить) лапти* кому 'изменить' [МИСНФ: 239–240]. Активный субъект измены, предлагая пассивному субъекту измены лапти, тем самым указывает ему на обратную дорогу; также с лаптями связана семантика обмана в целом, благодаря идеям обувания и плетения, ср. новг. *обуть в кривые лапти* 'обмануть', влг. *лапти сплести* 'обмануть, ввести в заблуждение'.

– обозначения растений — грибов, ср. новг. *наварить грибов* [СРНГ: 19: 151], новг. *жечь рыжики* кому-л. [БСРП: 588], *рыжиков (рыжики) дать (поднести, сделать, жечь)* кому-л. [СПП: 68], *сварить (нажарить, насолить, сделать, подсыпать, устроить) грибы* кому-л. [МИСНФ: 238–239],

пск., арх. *делать рыжники* ‘изменить, нарушить верность’ [СРНГ 35: 305], *рыжик* пск. ‘тот, кому изменили в любви, дружбе’ [СРНГ 35: 305]; репы, редьки, ср. новг. *дать редчину*⁴ кому-л. [БСРП: 560], новг. *сварить репней*⁵ кому-л. ‘изменить, нарушить верность’ [МИСНФ: 239]. Грибы в славянской народной культуре наделяются эротической символикой; для репы и редьки главным мотивационным признаком оказывается то, что из них готовится постная, «пустая» пища.

– названия различных орудий или предметов быта с отгонной символикой: веника: новг. *навязать веников* [БСРП: 77], новг. *прокатить на венике* [МИСНФ: 238]; бороны: *затащить борону на крышу* [МИСНФ: 236]; рогатки: *рогатку дать (давать)* ‘изменить’ [СППП: 65], *рогатку получить* ‘узнать об измене любимой девушки’ [СППП: 65].

– обозначения продуктов горения: *собирать головёшки* [МИСНФ: 241], *получить головёшку* ‘пережить измену’ [МИСНФ: 237]. Мотив сжигания как мотив, разрабатываемый при выражении семантики измены, был отмечен выше.

– обозначения некоторых пищевых продуктов: *получить блин* ‘пережить измену’ [МИСНФ: 237]. С блином связана символика битья, удара, сопоставляемая с изменой как с видом социальной неудачи: ср. новг. *получить блин* ‘быть побитым кем-л.’, вят. *блинками кормить* ‘наградить пинками’.

Подробный мотивационный комментарий к данным фразеологизмам в связи с рассмотрением формул отказов при сватовстве дан Е. Л. Березович [Березович 2007: 243—277].

Некоторые фразеологизмы с предметной символикой, обозначающие измену в любви, не имеют точных корреляций среди формул отказов при сватовстве.

Так, в число «пищевых» фразеологизмов можно включить выражение новг. *сделать (устроить) ситный* кому-либо ‘изменить, нарушить верность’ [МИСНФ: 240], новг. *ситного тебе* ‘выражение, указывающее на измену в любви’ [НОС 10: 62].

⁴ *Редчина* ‘редька’ [НОС 9, 122].

⁵ *Репня* ‘суп, похлебка из рубленой репы с крупой или мукой; каша из тертой репы’ [СРНГ 35, 71].

Слово *ситный* в общенародном языке обозначает хлеб, испеченный из просеянной сквозь сито муки. Рассмотрим разные варианты интерпретации этого фразеологизма.

Согласно одному из них, выражение *сделать ситный* можно сопоставить с фразеологизмами с семантикой битья, наказания, содержащими «пищевые» лексемы, ср., например, *испечь (дать) булку* ‘ударить’ [СРНГ 3: 271], *надавать киселей* ‘надавать шлепков’, *киселем накормить, киселя поддать* ‘ударить кого-л. коленом сзади’ [СРНГ 13: 227], *спечь* ‘побить кого-л.’ [СРНГ 40: 139], *спекли ему пирог во весь бок* ‘побили’ [Даль 4: 296], ср. также анализ системной метафоры «кормить» → «бить» в [Березович 2007: 397] и замечание В.И. Ковалья о том, что при образовании модели «дать + негативно осмысливаемый предмет = побить» нередко используются названия пищи с ложно ориентирующей положительной коннотацией [Коваль 1998: 59]. Включить данное выражение в этот ряд позволяет общая семантика жизненной неудачи, присущая частным случаям переживания измены и наказания битьем, а также идея оскорбления действием, заложенная в актах измены и битья.

Есть и другой вариант «прочтения» изучаемого фразеологизма. Слово *ситный* обозначает хлеб, который ценился дороже и употреблялся реже, чем *решетный*, так как был изготовлен из муки более мелкой, лучшего качества. Отсюда присущие слову *ситный* коннотации чего-то недоступного, редкого, ср. пословицы: *Хоть решетом, да ежесден, а на ситное не надейся!* [Снегирев: 273], *Хоть решетом, да ежесдень, а ситный несытный* [Даль 4: 193]. Ситный хлеб, следовательно, может восприниматься как неспособный прокормить, а передача ситного – как обманное действие или действие, не оправдывающее ожиданий адресата. Возможно, следует учесть также особенности самого акта просеивания муки: мелкие частицы проходят сквозь сито, а крупные остаются в нем; таким образом, вручение ситного можно трактовать как сокрытие части правды, обман, ср. *Правду не ситом сеять* [Даль 4: 193].

Слово *ситный* может функционировать также как метафорическое определение друга в известном выражении *друг ситный*. Особенности его употребления и номинативные параллели к нему рассмотрены Т.В. Горячевой в специальной работе [Горя-

чева 2010], однако мотивация этого выражения остается неясной. С одной стороны, такое обращение к другу подчеркивает, что он является приятным, желанным, дорогим. С другой стороны, выражение включает в себе иронию, ср. *друг ситный, решетом (не) прогрохан* [Даль 4: 96]: скорее всего, это говорится о ненадежном человеке, который не сумел пройти какие-либо испытания для сохранения дружбы. Это подтверждает «обманные» коннотации рассматриваемого слова. В то же время непосредственных мотивационных связей между обращением *друг ситный* и идиомой *сделать ситный* может и не быть.

Кроме того, семантику измены нередко выражают фразеологизмы, содержащие указание на часть тела, которая в сознании славян наделяется «мужскими» признаками и генитальной символикой. Демонстрация таких органов имеет отталкивающую силу, а также воспринимается как оскорбление и унижение адресата [Толстой: 1995]. Сюда относятся выражения со словом *нос*, имеющие значение ‘изменить в любви кому-либо’: пск. *подставить нос* [СППП: 57], новг. *показать (натянуть, сделать) нос кому* [НОС 6: 68], новг. *нос тебе* [НОС 6: 68]. Выбор носа в выражениях такого рода мотивирован тем, что он является передней, выступающей частью тела (Ср. рассмотрение символики носа в славянской традиции, представленное Т.В. Володиной [Володина 2009: 59–62]). В литературном языке смысловую поддержку данным выражениям оказывает фразеологизм *оставить с носом* разг. ‘обмануть, одурачить’, так как измена в любви является частным случаем обмана вообще. Борода в народной традиции тоже наделяется признаками мужественности [Терновская 1995], что важно для понимания выражений новг. *сделать бороду кому* ‘изменить, нарушить верность’: «Изменил тебе Сёмка, бороду сделал», - говорю. А она скраснулась вся» [МИСНФ: 239], новг. *борода тебе* ‘об измене парня или девушки’ [НОС 1: 77].

В литературном языке одним из выразителей значения ‘изменить, нарушить верность’ является фразеологизм *рога наставить*, который считается калькой из немецкого, греческого или французского языка [ИЭС: 598]. В русских говорах фиксируются следующие выражения с этой образностью: пск. *рога наставить кому* [СППП: 65], дон. *надеть ро́ги* [СРНГ 35: 118], новг.

подставить (повесить, ставить) ро́ги кому [МИСНФ: 237]. Важным мотивационным компонентом является символика рогов, связанная с плодородием и мужской силой, поддерживаемая идеей рога изобилия, а также формой и остротой рога [Плотникова 2009; Володина 2009: 134—135].

Некоторые представленные фразеологизмы в своих значениях имеют указание на измену в супружестве, некоторые же имеют значение ‘изменить в любви’ или упоминание о парне или девушке как субъектах измены, что позволяет говорить об обращении внимания и на измены до брака. Интересно отметить, что пространственные мотивы используются преимущественно в тех фразеологизмах, которые обозначают супружеские измены, т. е. более серьезные нарушения этических норм, нежели измены до брака; соответственно, в таких фразеологизмах звучит однозначная нота неодобрения изменника. Именно супружество дает четкое закрепление в пространстве (совместный дом супругов) – и, соответственно, нарушение верности тоже имеет пространственную «конфигурацию». В тех же фразеологических сочетаниях, которые могут быть отнесены к изменам до брака, подчеркивается неудачливость объекта измены.

Литература

Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. — М., 2002.

Агапкина Т.А. Масленица // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. — М., 2004. — Т. 3.

Агапкина Т.А. Сжигать // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. — М., 2009. — Т. 4.

Березович Е.Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. — М., 2007.

Володина Т.В. «Гулящая»: об одном этнокультурном стереотипе в белорусской традиции // *Język. Człowiek. Dyskurs.* — Szczecin, 2007.

Валодзіна Т. Цела чалавека: слова, міф, рытуал. — Мінск, 2009.

Горячева Т.В. Друг ситный на фоне лексико-семантического поля пищи (к семантической интерпретации некоторых русских фразеологизмов) // *Этимология*. 2006—2008. — М., 2010.

Гура А.В. Белка // *Славянские древности Этнолингвистический словарь*. — М., 1995. — Т. 1.

Коваль В.И. Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение. — Гомель, 1998.

Плотникова А.А. Рог // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. — М., 2009. — Т. 4.

Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. — М., 1999.

Терновская О.А. Борода // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. — М., 1995. — Т. 1.

Толстая С.М. Пространство слова: лексическая семантика в общеславянской перспективе. — М., 2008.

Толстой Н.И. Гениталии // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. — М., 1995. — Т. 1.

Список сокращений и словарей

БСРП — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2008.

Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. — 2-е изд. СПб.; М., 1880—1882.

ИЭС — Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. — М., 2005.

МИСНФ — Сергеева Л.Н. Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. — Великий Новгород, 2004.

НОС — Новгородский областной словарь. — Новгород, 1992—1995. — Вып. 1—12.

СГНП — Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / Сост. Н.А. Ставшина. — СПб., 2008. — Т. 1—2.

СППП — Словарь псковских пословиц и поговорок. Спб., 2001.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. — М.; Л., 1965—. Вып. 1.

ФСРГРК — Кобелева И.А. Фразеологический словарь русских говоров республики Коми. — Сыктывкар, 2004.

ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И. Федорова. — Новосибирск, 1983.

ФСПГ — Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. — Пермь, 2002.

©Кучко В.С., 2011

Н.Л. Лебедева
Екатеринбург

Лингвокультурный анализ мифологемы *дом*

Ключевые слова: лингвокультурология, мифологема, языковая картина мира, психолингвистический эксперимент.

1. Семантическая структура «имени» мифологемы (по словарным дефинициям). Семантическая структура слова *дом* в процессе развития русского языка видоизменилась. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово *дом* представлено следующими компонентами, которые условно можно разделить на компоненты, трактующий понятие *дом* как строение для жилья и как семью с домочадцами:

1. Строение для житья; в городе, жилое строенье; хоромы; в деревне, изба со всеми ухожаями и хозяйством. Крестьянский дом, изба; южн. хата; княжеский и вообще большой, вельможеский, палаты, дворец; помещичий, в деревне, усадьба; маленький и плохонький, хижина, лачуга; врытый в землю, землянка.

2. Семейство, семья, хозяева с домочадцами.

Словарная статья изобилует фразеологизмами, поговорками, приметами и другим богатейшим иллюстративным материалом, который свидетельствует о культурном наследии русского народа: «Если к дому, где больной лежит, бабы проторят дорогу, то ему умереть. И тесен дом, да просторен он. В гостях хороша девка, а дома лучше того. Дом невелик, да лежать не велит. Будь, как у себя дома. Богатому везде дом. Полон дом, полон и рот. Мало тому, у кого много всего в дому». Также объясняются значения однокоренных слов, таких как домосед, домочадцы, домовник, домовый и т.д., и приводятся примеры употребления.